

ПЕРСОНАЖНАЯ СФЕРА / CHARACTER SPHERE

Герои рассказов В. М. Шукшина: речевое поведение

И. В. Башкова

Heroes of stories by V. M. Shukshin: speech behavior

I. V. Bashkova

Ирина Венадьевна Башкова – доктор филологических наук, доцент; Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

E-mail: bbashkova@mail.ru

Статья поступила: 15.11.2022. Принята к печати: 20.12.2022.

В статье рассматриваются правила речевого поведения персонажей, представленные в рассказах В. М. Шукшина. Предлагается методика выявления этих правил на основе анализа названий лиц, их нарушающих: балаболка, бука, враль, демагог, молчун, подхалим, проповедник, советчик, трепач, трепло, указчик, хам, хамло, хамьё и т. п. В текстах писателя много конфликтных диалогов, в которых герои дают друг другу нелицеприятные оценки, этим обусловлено значительное количество сниженной лексики в произведениях В. М. Шукшина, при этом в авторском тексте сниженная лексика отсутствует, она включена в прямую или косвенную речь персонажей. Названные особенности рассказов В. М. Шукшина делают их благодатным материалом для рассмотрения правил речевого поведения, поскольку эти правила нарушаются во время конфликтов, а лексика с отрицательной оценкой фиксирует нормы, которые были нарушены. Основные правила речевого поведения, представленные в рассказах В. М. Шукшина следующие: 1) будь дружелюбным, вежливым и справедливым, не используй свое служебное положение, более высокий социальный статус или физическую силу для того, чтобы унижить другого; 2) говори не больше, чем требуется, не говори лишнего, неси ответственность за свои слова; 3) говори не меньше, чем требуется, умеешь выразить положительную оценку адресата; 4) говори правду; 5) если не обладаешь достаточным авторитетом для адресата, не навязывай ему своего мнения, не давай советов, не указывай, как поступать. Лица, нарушающие кодекс речевого поведения, оцениваются по-разному. Категорично отрицательно оцениваются хамы и люди, которые дают непрошенные советы, навязывают свое мнение другим. Нарушения остальных правил допустимы, все зависит от ситуации.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, правила речевого поведения, названия лиц по речевому поведению и манере речи

УДК 821.161.1

Irina V. Bashkova – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor; Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

ORCID 0000-0003-0318-1436

Received: 15/11/2022. Accepted for publication: 20/12/2022.

The article is devoted to the rules of speech behavior presented in the stories of V. M. Shukshin. A method is proposed for identifying these rules based on the analysis of the names of characters who violate them. In the writer's texts, there are many conflictual dialogues, in which the characters give each other impartial assessments, and this is the reason for a significant amount of substandard vocabulary in the works of V. M. Shukshin, and while there is no substandard vocabulary in the author's text, it is included in the direct or indirect speech of the characters. The named features of V. M. Shukshin's stories make them fertile material for considering the rules of speech behavior, since these rules are violated during the conflicts, and the vocabulary with a negative assessment captures the norms that have been violated. The basic rules of speech behavior presented in the stories of V. P. Shukshin are as follows: say no more than required, do not say too much, be responsible for your words; say no less than required, be able to express a positive assessment of the addressee; tell the truth; do not impose your opinion; be friendly, polite and fair, do not use your official position, higher social status or physical strength in order to humiliate another. The violators are evaluated differently. Boors and people who give unsolicited advice, impose their opinions on others are assessed in a peremptorily negative manner. Violations of other rules are permissible, it all depends on the situation.

Keywords: V. M. Shukshin, rules of speech behavior, names of persons by speech behavior and style of speech

OECD: 6.02QD

V

Постановка проблемы. Василий Макарович Шукшин – русский писатель второй половины XX века – показал нам, читателям, многогранность, противоречивость «простого» русского человека, который настолько глубок и сложен, что понять его до конца невозможно. Однозначные трактовки поведения героев В. М.

Шукшина обречены на провал. Его короткие рассказы похожи на театральные миниатюры, диалоги кажутся аудиозаписями реальных разговоров, позиция автора при этом остается за кадром. Персонажи рассказов В. М. Шукшина парадоксальны: это вроде бы обычные люди, но в каких-то ситуациях они нарушают общепринятые нормы и правила, ведут себя странно и неблагоразумно, и оказывается, что это-то как раз и нормально. А может быть, и нет... Правила существуют для того, чтобы их нарушать?

Рассказы В. М. Шукшина насыщены конфликтными диалогами, в которых не соблюдаются правила речевого поведения. Это делает тексты писателя богатным материалом для лингвистического анализа ситуаций, участники которых выбирают некооперативные речевые стратегии. **Цель настоящей статьи** – рассмотреть правила речевого поведения, показанного в рассказах В. М. Шукшина. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью углубления знаний о коммуникативном поведении, которое зафиксировано в прозе русских писателей.

История вопроса. Правила, или постулаты, регулирующие речевое поведение, изучаются с разных позиций [Копнина, 2014, с. 228]. В 60–70-е годы XX века они начинают рассматриваться в рамках формирующейся лингвистической прагматики. Английский философ Г. П. Грайс формулирует принцип Кооперации (сотрудничества), суть которого объясняется следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]. Общий «принцип Кооперации» (сотрудничества) конкретизируется в постулатах, которые Г. П. Грайс (вслед за Кантом) называет категориями: категория количества (твое высказывание должно содержать информации не больше и не меньше, чем требуется для текущих целей диалога), категория качества (старайся, чтобы твоё высказывание было истинным, т.е. не говори того, что считаешь ложным, и того, для чего у тебя нет достаточных оснований), категория отношения (не отклоняйся от темы, говори по существу) и категория способа (выражайся ясно, т.е. избегай непонятных выражений, неоднозначности, будь краток и организован). Сформулированные Грайсом постулаты коммуникации эффективны лишь в неконфликтных ситуациях и поэтому являются идеализированными, Грайс отмечает, что в коммуникации могут также соблюдаться этические, социальные и моральные постулаты, эту идею развивают Д. Гордон и Дж. Лакофф. Дж. Лич дополнил эти правила Принципом вежливости, который включает постулаты такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech, 1983]. В 1985 году в СССР вышел сборник «Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика», где были опубликованы описанные зарубежными лингвистами коммуникативные постулаты.

В нашей стране правила ведения речи впервые были описаны в 1978 году по данным пословиц и поговорок [Рождественский, 1978]. В 1982 году представлены

конвенции, правила и стратегии общения [Демьянков, 1982]. В 1983 году предложено описывать правила речевого поведения с помощью анализа семантики предложения: сформулированы правила, которыми руководствуется говорящий и которые эксплицируются в речи тогда, когда происходит их нарушение: «1) сообщай информацию, содержащую известное для слушателя; 2) сообщай информацию, не расходящуюся с житейской логикой слушателя и его представлениями об обычном ходе событий; 3) не сообщай общеизвестного, банального; 4) не сообщай неприятного для собеседника; 5) говори точно, стремясь найти единственно верные слова; 6) придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра; 7) будь искренен и правдив; 8) не будь излишне откровенен; 9) не преувеличивай; 10) не используй языковых средств, которые могут быть не известны слушателю; 11) говори согласно норме и как принято; 12) избегай штампов; 13) выбирай номинации в соответствии с номинативными привычками: а) своими, б) слушателя и в) в соответствии с предметом речи» [Шмелева, 1983].

В дальнейшем отечественные ученые исследовали правила речевого поведения с позиций психолингвистики, жанроведения, неориторки, коммуникативистики, когнитивно-дискурсивного анализа, лингвоперсонологии и диалектологии [Формановская, 1989; Иванцова, 2021 и др.].

Методология и методика исследования. Кодекс речевого поведения можно исследовать разными способами, источники извлечения составляющих его правил различны: это пословицы и поговорки, художественные тексты, записи устной речи носителей языка. Т. В. Шмелева подробно описывает методику исследования семантической организации предложения, выявления модусных смыслов, которые эксплицируются говорящим в ситуациях, когда существует риск нарушить то или иное правило [Шмелева, 1983].

В настоящей статье для выявления правил речевого поведения, зафиксированных в рассказах В. М. Шукшина, предлагается исследовать семантику слов, обозначающих в текстах писателя человека в аспекте его речевого поведения.

Существительные, именующие человека, названия лица – это один из наиболее разработанных пластов русской лексики. Так, в «Русском семантическом словаре» в раздел «Названия лиц» вошло около 15 000 единиц, считая заголовочные словосочетания, ближайšie производные от них, а также фразеологические единицы. «В целом классификация имен лица наглядно демонстрирует, какими широкими и разнообразными средствами располагает русский язык для именованя человека и шире – лица» [Шведова, 1998, с. 63].

Среди объектов действительности человек выделяется тем, что в его языковых номинациях фиксируется наибольшее количество признаков, сторон, аспектов. Наричательные существительные, репрезентирующие человека, представляют собой гиперонимические номинации: *человек, личность, лицо*; демографические номинации по полу, возрасту, национальности, происхождению, профессии: *мужчина, старик, поляк, крестьянин, железнодорожник*; функциональные номинации, указывающие на выполняемое или претерпеваемое лицом действие: *отправитель, раненый*; относительные номинации, показывающие родственную, профессиональную и какую-либо еще соотнесенность данного лица с другим: *отец*,

друг, сменщик; оценочные номинации: *умница, молодец, мерзавец*. Кроме того, в тексте человек может обозначаться именами собственными или местоимениями [Гак, 1999, с. 74–75].

Поскольку человек в жизни играет разные роли, в тексте он обозначается разными именами. Этим он отличается от других объектов. «Кроме этого используются многочисленные номинации человека, данные по признакам пола и возраста, семейного и служебного статуса, по профессии или месту в социальной иерархии. Особые номинации используются в обращениях» [Арутюнова, 1999а, с. 5]. Таким образом, наименования человека множественны, в тексте они распределены между разными мирами и пространствами.

Наличие в языке большого количества слов, именующих человека, объясняется тем, что человек, как ничто другое в языковой картине мира (ЯКМ), обладает большим количеством параметров. Отмечено, что «с точки зрения культуры... предметы «параметризуются» в зависимости от того ряда, к которому их относят или в отношении к которому их рассматривают» [Степанов, 2004, с. 717]. При переходе в разные ряды меняются названия предметов. Трава остается травой, пока она растет на лугу; когда ее скосили, она превращается в сено. Срубленное дерево, используемое как материал, превращается в древесину. «Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него «параметров», тем больше он «параметризован»» [Там же]. В культуре и в ЯКМ человек занимает вершинное место, поскольку ничто так не параметризовано, как он.

В связи с этим анализ способов обозначения человека в текстах конкретного автора позволяет выявить человеческие качества, которые в первую очередь фиксируются у обозначаемых лиц данной языковой личностью, что составляет значимый фрагмент индивидуально-авторской ЯКМ.

Особенностью поведения названий лиц в тексте является то, что они способны выполнять как идентифицирующую, так и предикатную функции. «В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом – имена качественные, приспособленные к предикативности. Между ними расположены другие номинации, в том числе имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании» [Арутюнова, 1999б, с. 63].

Сообщая о каком-либо лице, говорящий, с одной стороны, должен его идентифицировать, индивидуализировать, с другой стороны, выразить свое отношение к нему. Даже выбирая форму имени собственного: фамилию, имя, отчество – только фамилию – только имя, полное или уменьшительное, – говорящий показывает, как он относится к названному лицу [Формановская 2010: 126].

Для идентификации предмета сообщения обычно используется «три категории имен лица – имя собственное, имя реляционное (*шеф, мать, барин, начальник*) и имя функциональное, обозначающее жизненные «амплуа» (*водопроводчик, дворник, лифтер, монтер, редактор, милиционер, министр*)... В этих же целях применяются обозначения, построенные на окказиональном опознавательном признаке,

выводимом из конкретной ситуации. Ср.: *преступник, пришедший, потерпевший, больной, укушенный* (в известном скетче) и др.» [Арутюнова 1999б: 63].

Преимущественно предикатную функцию выполняют качественные и оценочные имена лица, «поскольку основная часть их семантического содержания указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего» [Там же: 62].

Особенностью названий лиц является то, что многие из них включают в себя оценку. «Оценка пронизывает весь класс названий лиц» [Шведова 1998: 62]. Оценочный компонент может занимать разное место в семантической структуре словозначения: во-первых, он может дополнять характеризующий компонент значения (*писака, рифмоплет, сапожник*); во-вторых, он может образовывать сложные диффузные сочетания с характеризующим компонентом (*белоручка, бессребреник, жмот, бестолочь, дурак, недоумок*); в-третьих, он может быть единственным или доминирующим компонентом значения (*молодец, душечка, милашка* – в «Русском семантическом словаре» такие слова составляют подмножество «Собственно оценка», тогда как первая и вторая группы словозначений в словаре включены в подмножество названий лица по характерному признаку).

Таким образом, в значение большинства наименований человека включены когнитивный и прагматический компоненты, благодаря чему названия лиц в тексте могут выполнять идентифицирующую и предикатную функции.

Особенность существительных, называющих человека, в том, что, будучи предметными по своей архисеме, они могут включать в свое значение указание на все составляющие человеческой жизни: события, в которых человек участвует в качестве субъекта (*кормилец, воин, учитель*) или объекта (*арестант, адресат, пациент*); оценку данного человека (*душечка, злодей, мерзавец*); характеристику человека по определенному параметру (*старик, девочка, врач*); иерархию человеческих отношений (*начальник, раб, король*). Именно поэтому номинации человека входят в ядро лексической системы языка и ЯКМ.

В силу всего сказанного становится понятным, почему изучение названий лиц особенно важно для понимания художественного текста. Названия лиц свидетельствуют о многих особенностях мировидения писателя, о том, что является приоритетным в его индивидуально-авторской языковой картине мира.

В языке и речи существуют разнообразные средства, отражающие кодекс речевого поведения, к ним относятся и названия лиц. В семантику многих существительных, обозначающих человека, включена оценка, которая входит как в основное значение, так и в его коннотативную часть. Среди оценочных номинаций преобладают существительные с отрицательной оценкой. Это связано с тем, что в языковой картине мира норма оценивается положительно и поэтому отмечается редко, а отрицательные отклонения от нормы обращают на себя внимание и нуждаются в оценке. То, что мешает, должно быть зафиксировано и исправлено. Многие номинации человека по его речевому поведению и манере речи включают отрицательную оценку, которая фиксирует то, что человек не соблюдает предписываемые в обществе нормы. Выявление таких слов позволяет определить правила, которые не соблюдаются говорящими.

В настоящей статье основным способом выявления правил речевого поведения, представленного в рассказах В. М. Шукшина, является анализ фрагментов текста, преимущественно диалогов, в которых используются нарицательные существительные, именующие человека по его речевому поведению и включающие отрицательные оценки.

Герои рассказов В. М. Шукшина в диалогах открыто выражают недовольство ходом коммуникации и часто употребляют в своей речи негативные номинации адресата или третьих лиц по их речевому поведению. Эти номинации являются сигналами, фиксирующими нарушения кодекса речевого поведения.

Методика настоящего исследования включает следующие этапы:

- 1) выявление номинаций человека по речевому поведению и манере речи в рассказах В. М. Шукшина;
- 2) анализ фрагментов текста, где используются данные номинации;
- 3) формулирование правил речевого поведения, на которые эти номинации указывают.

Для удобства изложения в данной статье сначала формулируются правила, затем даются примеры из текстов, в круглых скобках указываются названия рассказов В. М. Шукшина.

Анализ материала и интерпретация его результатов. В рассказах В. М. Шукшина используется около сорока номинаций человека по речевому поведению и манере речи. Все они обозначают лиц, которые нарушают те или иные правила коммуникации, часть номинаций указывает на несоблюдение сразу нескольких правил.

Проведенный анализ показывает, что наиболее значимые в контексте рассказов В. М. Шукшина правила речевого поведения таковы:

Главное правило из кодекса речевого поведения, представленного в рассказах В. М. Шукшина, можно сформулировать так: **будь дружелюбным, вежливым и справедливым, не используй свое служебное положение, более высокий социальный статус или физическую силу для того, чтобы унижить другого.** Лица, нарушающие это правило, обозначаются словом *хам*.

В рассказе «Обида» описывается ситуация, в которой продавец Роза прилюдно унижает покупателя Сашку Ермолаева на глазах его маленькой дочки, других покупателей и продавцов, зло и грубо указывает Сашке на то, чего он не делал, обращается к нему *на ты*:

Тетя была хмурая – не выпалась, что ли. И почему-то ей, тете, показалось, что это стоит перед ней тот самый парень, который вчера здесь, в магазине, устроил пьяный дебош. Она спросила строго, зло:

– Ну, как – ничего?

– Что «ничего»? – не понял Сашка.

– Помнишь вчерашнее-то?

Сашка удивленно смотрел на тетю...

– Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик... (Обида).

Сашка попытался восстановить справедливость, однако покупатели встали на сторону продавца, поскольку их раздражало, что очередь задерживается и они теряют время.

– *Стоит – возмущается! Это на вас надо возмущаться. На вас надо возмущаться-то.*

– *Да вы что? – попытался было еще сказать Сашка, но понял, что – бесполезно. Глупо. Эту стенку из людей ему не пройти.*

– *Работайте, – сказали Розе из очереди. – Работайте спокойно, не обращайтесь внимания на всяких тут...*

Сашка пошел к выходу. Покупатель в плаще послал ему в спину последнее:

– *Водка начинает продаваться в десять часов! Рано пришел!*

Сашка вышел на улицу, остановился, закурил.

– *Какие дяди похие, – сказала Маша.*

– *Да, дяди... тети... – пробормотал Сашка. – Мгм... – Он думал, что бы сделать? Как поступить? Оставлять все в таком положении он не хотел. Не мог просто. Его опять трясло. Прямо трясун какой-то!*

*Он решил дождаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? С какой стати он выскочил таким **подхалимом**? Что за манера? Что за проклятое желание угодить продавцу, чиновнику, хамоватому начальству?! Угодить во что бы то ни стало! Ведь сами расплодили **хамов**, сами! Никто же нам их не завез, не забросил на парашютах. Сами! Пора же им и укорот сделать. Они же уже меры не знают...*

Так примерно думал Сашка (Обида).

В приведенном выше фрагменте рассказа выделены существительные *хам* и *подхалим*, которые обозначают человека по его поведению. Учитывая правила речевого поведения, можно дать следующие толкования этих слов:

Хам – ‘грубый, наглый человек, сознательно нарушающий правила речевого поведения, знает, что его слова неприятны адресату и намеренно произносит их, пользуется своим служебным положением, более высоким социальным статусом, чем у собеседника, или физической силой для того, чтобы унижить адресата’.

Подхалим – ‘человек, который угодничает перед лицом, имеющим более высокий социальный статус в определенной ситуации, намеренно нарушает правило быть искренним и правдивым для того, чтобы получить выгоду’.

В рассказе «Боря» хам пользуется своей физической силой для того, чтобы обидеть беззащитного человека.

Как-то горилла зашел в нашу палату, хохочет.

– *Этот, дурак ваш... дал ему сигарету: **ешь, говорю, сладкая**. Всю съел!*

*Мы молчали. Когда вот так вот является **хам**, крупный **хам**, и говорит со смехом, что он только что сделал гадость, то всем становится горько (Боря).*

В толковых словарях русского языка слова *хам*, *хамить*, *хамство* указывают на грубое, наглое поведение без пояснения, что в подавляющем большинстве случаев это речевое поведение: *хамить* – ‘вести себя грубо, нагло, по-хамски. Х. окружающим’ [Ожегов, Шведова, 1992]. В насыщенных диалогами рассказах В. М. Шукшина хамские

грубость и наглость проявляются в речи: *Но вот уж чего не понимали деревенские в городе – это хамства. Это уж черт знает что, этому и объяснения-то как-то нету. Кричат друг на друга, злятся. Продавщицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай: так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги* (Шукшин. Выбираю деревню на жительство).

Слово *хам* включает в себя негативные коннотации, в его словарных толкованиях содержатся такие пометы, как *презрительное* и *бранное*, в дериватах этого слова *хамло* и *хамьё* (собирательное) за счет суффиксов отрицательная оценка усиливается. В рассказах В. М. Шукшина эти существительные употребляют люди, которые сами грубо нарушают нормы речевого поведения в ситуациях, когда не могут воздействовать на адресата.

Князев, герой рассказа «Штрихи к портрету», высокомерно относится к окружающим, постоянно нарушает такие правила, как «учитывай интересы адресата», «не навязывай своё мнение», не может сформулировать свои мысли понятным языком и возмущается, когда собеседники не желают его слушать:

– Чего вам от меня надо?! – все кричал Сильченко. – Чего?

Из дома на крыльцо вышли люди... Князев повернулся и пошел вон из ограды. Сильченко еще что-то кричал вслед ему. Князев не оглядывался, шел скорым шагом, и в глазах его была грусть и боль.

– Хамло, – сказал он негромко. – Ну и хамло же... Разинул пасть. – Помолчал и еще проговорил горько: – Мы не пойдем – нам не треба. Мы лучше орать будем. Вот же хамло! (Штрихи к портрету).

– Прочь! – крикнул Князев. И хотел отбросить наглую руку. Но не смог отбросить. – Пр-рочь! – закричал тогда Князев громче прежнего и толкнул Сергея Николаича в грудь. – Пр-рочь, хамло!.. (Штрихи к портрету).

В рассказе «Пьедестал» героиня не слышит от гостей-художников ожидаемой ею высокой оценки творчества своего мужа и от обиды называет их грубыми словами.

– Уйди! – зло кричала Зоя и колотила мужа в широкую грудь, как в дверь, обитую дерматином. – Уйди! Подонки!.. Хамьё! Подонки! Подонки!..

Это была уже истерика. Константин Смородин слышал, как надо останавливать женскую истерику: приотпустил жену и, не разворачиваясь, больно дал ей ладонью по щеке. Жена уткнулась ему в грудь, обмякла, заплакала. Смородин поднял ее на руки и понес домой (Пьедестал).

Можно сделать уточнение к тому, что считается хамским речевым поведением: это отклонение не только от общепринятых норм вежливости, но и от ожиданий говорящих (возможно, ожиданий необоснованных).

2. Правило говори не больше, чем требуется, не говори лишнего, неси ответственность за свои слова героями рассказов В. М. Шукшина нарушается чаще всего. Люди, нарушающие это правило, в проанализированных текстах в большинстве случаев обозначаются словом *трепач*:

– У вас только одно на языке: «будет! будет!..» – опять начал старик. – **Трепачи**. Ты вот – шестнадцать лет будешь учиться, а начнет человек помирать, чо ты ему сделаешь?

– Вырежу чего-нибудь (Космос, нервная система и шмат сала).

В следующем примере Федор называет Павла трепачом и балаболкой из-за того, что тот, не подумав, сказал Нюре слова, которые ее обидели:

– А ты чего, Нюр? – все хотел понять Павел.

– Пошли, – опять сказал Федор. И подтолкнул Павла к двери. Вышли.

– А чего она?

– Зря, – сказал Федор. – Не надо было.

– Чего она, обиделась, что ли?

Федор не ответил.

– Ей же, понимаешь, делаешь лучше, она – в слезы. Бабье!

– **Трепесся много**, – сказал Федор. – **Как сорока на колу**. У вас все в роду **трепачи** были. **Балаболки** (Капроновая елочка).

Исходя из приведенных примеров можно дать следующее толкование слова *трепач* – это ‘человек, который не соблюдает правила речевого поведения, говорит больше, чем требуется, не учитывает интересов собеседника, не несет ответственности за свои слова, которые не являются правдивыми, могут нанести ущерб слушающему или самому говорящему’.

В толковых словарях отмечена стилистическая окраска слова *трепач* – *грубое, просторечное* [Евгеньева, 1981–1984]. Употребляя это существительное в контексте других грубых слов, говорящий сам нарушает правила вежливости:

– ...Значит, говоришь, **тесть тебе перешел дорогу?**

– **Перешел**. Да он и кулаком-то, по правде сказать, никогда не был, так – заупрямился тогда, с колхозами-то, нашумел, **натрепался** где-то... **Трепач** он был, **тесть-то**. **Дурак дураком**. **Ботало коровье**. Жил, правда, крепко. А я середнячишко был... мне бы в партию большевиков-то можно бы... (Билетик на второй сеанс).

– Уйди от меня, **трепач!** – **взвизгнул снабженец и заматерился** (Капроновая елочка).

Людей, нарушающих правило «говорить не больше, чем требуется», помимо слова *трепач*, в рассказах В. М. Шукшина обозначают номинации *балаболка*, *болтун*, *ботало коровье* (перен.), *звонарь* (перен.), *пустобрёх*, *пустозвон*, *пустолайка* (перен.), *пустомеля*, «*сорока*» (перен.), *трепло*. В словарях русского языка большая часть толкований слов из этой группы дается синонимично, слова толкуются одно через другое.

Пр.: И тут, помахав недели две тяжелой кувалдой, Васёка аккуратно положил ее на верстак и заявил кузнецу:

– Все!

– Что?

– Пошел.

– Почему?

– Души нету в работе.

– **Трепло**, – сказал кузнец. – Выйди отсюда.

Васёка с изумлением посмотрел на старика кузнеца.

– Почему ты сразу переходишь на личности?

– **Балаболка**, если не **трепло**. Что ты понимаешь в железе? «Души нету» ...

Даже злость берет (Стенька Разин).

В приведенном выше примере обращает на себя внимание сопоставление слов *балаболка* и *трепло*, обозначающих разную степень отклонения от нормы. Осознание того, что несоблюдение речевых норм может быть разным по интенсивности, представлено в рассказах В. М. Шукшина. Пр.: *Валя была побойчей, поострей на язык, немножко пустомеля* (Хахаль).

Пр.: *Мишке чего-то вдруг стало жалко его.*

– **Звонарь**, – сказал он негромко, сам себе. – *Дача у него, видите ли. С камином, видите ли... Во звонарь-то! Они, видите ли, жить умеют... Звонари* (Генерал Малафейкин).

В этом контексте человек, названный словом *звонарь*, нарушает не только правило «не говорить лишнего», но и правило «говорить правду».

С правилом **говори не больше, чем требуется**, связано правило **говори не меньше, чем требуется, умей выразить положительную оценку адресата**. Эти два правила отражают разные полюсы отклонения от нормы.

Лица, которые нарушают данное правило, в рассказах В. М. Шукшина обозначаются словами *молчун*, *бука*, *сыч*. В следующем примере эксплицируется возможный ущерб, который может потерпеть говорящий, если он говорит меньше, чем требуется. Пр.: *А Марию – нет. (Потом узнали, что отец не стал пускать ее на улицу.) А я думал, что ни капли ей не понравился и она не хочет видеть меня, молчуна* (Письмо любимой).

Неразговорчивость часто связана с угрюмым характером человека, и это отражают слова *бука* и *сыч*.

Бука – ‘о нелюдимом, угрюмом, неразговорчивом человеке’. Пр.: *Ты подскажи своему мужу, чтоб он был маленько поразговорчивей, поласковей. А то они... Ты скажи так: Коля, что ж ты, идрена мать, **букой**-то живешь? Ты сядь, мол, поговори со мной, расскажи чего-нибудь* (Письмо); *Старуха вспомнила себя, молодую, своего нелюбимого мужа... Муж ее, Кандауров Иван, был мужик работающий, честный, но **бука** несусветная. За всю женатую жизнь он всего два или три раза приласкал жену. Не обижал, нет, но и не замечал. Старухе жалко стало себя, свою жизнь...* (Письмо)

Сыч – ‘угрюмый, нелюдимый, неразговорчивый человек’. Пр.: *Ты, скажи, будешь думать, а я буду возле тебя сидеть – в глаза тебе заглядывать? Да пошел ты от меня подальше, **сыч!*** (Письмо)

Как видно из приведенных примеров, слова *бука* и *сыч* обозначают людей неразговорчивых и нарушающих правило быть дружелюбным.

В рассказах В. М. Шукшина гораздо больше персонажей, которые слишком много говорят. Неразговорчивых значительно меньше. Излишняя болтливость

оценивается строже, чем молчаливость. Так, в рассказе «Письмо» старуха после того, как написала письмо дочери, раскритиковав молчаливого зятя, и пожалела себя за то, что её собственный муж был букой, начала вспоминать свою молодость и поняла, что молчаливый муж был хорошим:

*Вот тут, на этих улицах, прошла жизнь. А давно ли?.. О господи! Ничего не понять. Давно ли еще была молодой. Вон там, недалеко, и теперь закоулочек сохранился: там Ванька Кандауров сказал ей, чтоб выходила за него... Еще бы раз все бы повторилось! **Черт с ним, что угрюмый, он не виноват, такая жизнь была: работал мужик, не пил зряшно, не дрался – хороший. Квасов, тот побойчей был, зато попивал. Да нет, чего там!.. Ничего бы другого не надо бы. Еще бы разок все с самого начала...*** (Письмо)

К важнейшим правилам речевого поведения относится требование **говорить правду**. Как было показано выше, оно часто нарушается вместе с другими правилами. В значении существительных, обозначающих лиц, которые нарушают данное правило, отражены различные речевые ситуации и разная степень отрицательной оценки.

Несоблюдение правила «говорить правду» прежде всего вредит самому говорящему, поскольку это роняет его авторитет в глазах окружающих. Пр.: *Он почти бежал по вагонам. Очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона, чтоб никто никогда не узнал его гнусного позора и какой он **враль** и **молокосос** (Медик Володя); – Ты, отец, разговорился что-то, – урезонила жена старика. – Совсем уж из ума стал выживать. **Черт-те** чего мелет. Не слушайте вы его, **брехуна** (Игнаха приехал).*

Один из рассказов В. М. Шукшина называется «Демагоги». **Демагог** – ‘тот, кто прибегает к демагогии, применяет демагогические приемы, преднамеренно извращает факты для достижения каких-либо целей’. Слово заимствовано из греческого языка, в его значении есть оттенок книжности, который не зафиксирован в словарях, но который обыгрывает В. М. Шукшин в своем рассказе. В названии «Демагоги» содержится мягкий юмор: демагогами названы деревенский дед и его внук, которые целый день проводят на рыбалке. Сюжет рассказа простой: дед с внуком Петькой ушли из дома ранним летним утром, во время рыбалки дед едва не утонул, потому что невод, который держали рыбаки, снесло быстрым течением горной реки, внук спас деда. Чтобы обсушиться, дед с внуком разожгли костер и просидели возле него до самой ночи, разговаривая. Испуганная мать Петьки нашла их, отчитала за то, что они долго не возвращались домой, и назвала их демагогами.

Дед с Петькой молча поднялись и стали сворачивать невод. Мать стояла у костра и наблюдала за ними.

– А где же рыба-то? – спросила она.

– Чего? – не расслышал дед.

– Спрашивает: где рыба? – громко сказал Петька.

– Рыба-то? – Дед посмотрел на Петьку. – Рыба в воде. Где же ей еще быть.

Мать засмеялась.

– Эх вы, **демагоги**, – сказала она. – *Задержитесь у меня еще раз до ночи... Пожалуюсь отцу, так и знайте. Он с вами иначе поговорит (Демагоги).*

Чтобы лучше понять значение названия рассказа, нужно обратиться к его началу, где задается тема некорыстного, шуточного обмана, который не принесет вреда собеседнику:

Разговаривали.

– ...Я ему на это отвечаю, слышь: «Милый, – говорю, – человек! **Ты мне в сыны три раза годишься, а ты со мной так разговариваешь**». – Старик подкинул на плече невод. Он страдал глухотой, поэтому говорил громко, почти кричал: – «Ты, конечно, начальство!.. Но для меня ты – ноль без палочки. Я охраняю государственное учреждение, и **ты на меня не ори, пожалуйста!**»

– А он что? – спросил Петька.

– А?

– А он что на это?

– Он? «А я, – говорит, – на тебя вовсе не ору». Тогда я ему на это: «**Как же ты на меня не орешь, ежели я все слышу! Когда на меня не орут, я не слышу**».

– Ха-ха-ха! – закатился Петька.

Старик прибавил шагу, догнал Петьку и спросил, тоже улыбаясь:

– Чего ты?

– Хитрый ты, деда!

– Я-то? **Меня если кто обманет, тот дня не проживет. Я сам кого хошь обману.** И я тебе так скажу... (Демагоги)

Как видно из приведенных примеров, в контексте рассказа Шукшина слово *демагог* не содержит отрицательных коннотаций, поскольку дед обманывает бескорыстно.

Персонажи рассказов В. М. Шукшина резко отрицательно оценивают людей, которые нарушают правило **не навязывай свое мнение**, такие лица обозначаются словами *проповедник, советчик, указчик*.

Пр.: *Макар шагал дальше, и сердце его сосала, сладко прикусывая, жирная, мягкая змея, какая сосет сердца всех оскорбленных **проповедников**. Иногда дело доходило до оплеух (Непротивленец Макар Жеребцов); – Конечно. Каждый так и живет – с самого начала. Скажи мне тогда: «Не женись, мол, Пашка, – ошибесся». Что я на это? Послал бы подальше этого **советчика** и делал свое дело. Так оно и бывает (Страдания молодого Ваганова).*

В следующем примере говорящий резко прерывает своего собеседника, который пытается указывать ему, как поступать:

Яковлев не то что встревожился, а как-то встrepенулся; ему враз интересно сделалось.

– О-о, – сказал он с облегчением. – По-человечески хоть заговорил. А то – под ру-учку идут... Дурак, смотреть же стыдно. Кто счас под ручку ходит!

– Ходил и буду ходить. Ты мне, что ли, **указчик**? (Вечно недовольный Яковлев).

Можно уточнить сформулированное выше правило: **если не обладаешь достаточным авторитетом для адресата, не навязывай ему своего мнения, не давай советов, не указывай, как поступать.**

Выводы. Анализ названий лиц в художественных текстах можно использовать как основу для выявления индивидуально-авторской картины мира, описания мировидения писателя. То, какие слова автор и его персонажи выбирают для обозначения человека, характеризует их в разных аспектах. В рассказах В. М. Шукшина доминирующим является подмножество названий лиц «По свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемому такими свойствами, чертами», это подмножество включает 256 единиц [Башкова, 2019], из них 39 единиц обозначают человека по его речевому поведению и манере речи. В текстах писателя много конфликтных диалогов, в которых герои дают друг другу нелицеприятные оценки, этим обусловлено значительное количество сниженной лексики в произведениях В. М. Шукшина, при этом в авторском тексте сниженная лексика отсутствует, она включена в прямую или косвенную речь персонажей.

Названные особенности рассказов В. М. Шукшина делают их благодатным материалом для рассмотрения правил речевого поведения, поскольку эти правила нарушаются во время конфликтов, а лексика с отрицательной оценкой фиксирует нормы, которые были нарушены.

Лица, нарушающие кодекс речевого поведения, оцениваются по-разному. Категорично отрицательно оцениваются хамы и люди, которые дают непрошенные советы, навязывают свое мнение другим. Нарушения остальных правил допустимы, все зависит от ситуации.

Правила речевого поведения по материалам рассказов В. М. Шукшина можно изучать на занятиях по теории и практике эффективного речевого общения в вузе и на уроках по русскому языку и литературе в школе.

Перспектива исследования видится в сравнении кодекса речевого поведения в текстах разных авторов, выявлении того, какое отношение к нормам коммуникации в них выражено, что может быть отражено в коммуникативном словаре русских писателей.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (Ред.). (1999а). Введение. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва: Индрик. 3–10.
- Арутюнова, Н. Д. (1999б). Семантическая специфика имен лица и имен предметов. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры. 61–64.
- Башкова, И. В. (2019). *Русская семантическая персонология: теоретико-методологические основания*. Красноярск: Сибирский федеральный университет.
- Гак, В. Г. (1999). Человек в языке. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва: Индрик. 73–80.
- Гордон, Д., Лакофф, Дж. (1985). Постулаты речевого общения. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16: *Лингвистическая прагматика*. Москва: Прогресс. 276–306.
- Грайс, Г. П. (1985). Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. *Лингвистическая прагматика*. Москва: Прогресс. 208–228.
- Демьянков, В. З. (1982). Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации). *Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка*. Т. 41(4). 327–33.
- Евгеньева, А. П. (Ред.). (1981–1984). *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: Русский язык.
- Иванцова, Е. В. (2021). Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 74, 61–80.
- Копнина, Г. А. (2014). Коммуникативные постулаты, или Постулаты речевого общения. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 228–229.
- Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азъ.
- Рождественский, Ю. В. (1978). О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок. *Паремнологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст)*. Москва: Наука. 211–230.
- Степанов, Ю. С. (2004). *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект.
- Формановская, Н. И. (1989). *Речевой этикет и культура общения*. Москва: Высшая школа.
- Формановская, Н. И. (2010). *Культура общения и речевого поведения*. Москва: Икар.
- Шведова, Н. Ю. (Ред.). (1998). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. (Т. 1). Москва: Азбуковник.

References

- Arutyunova, N. D. (Ed.). (1999a). *Introduction. Logical analysis of language. The image of a person in culture and language*. Moscow, Indrik Publ. 3–10. (In Russian).
- Arutyunova, N. D. (1999b). *Semantic specificity of person names and object names. Language and the human world*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ. 61–64. (In Russian).
- Bashkova, I. V. (2019). *Russian semantic personology: theoretical and methodological foundations*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ. (In Russian).
- Demyankov, V. Z. (1982). Conventions, rules, and communication strategies: (An interpretive approach to argumentation). *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series]*. Vol. 41, no. 4, 327–333. (In Russian).
- Evgenieva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Dictionary of the Russian language*. Vol. 1–4. Moscow, Russkiy yazyk Publ. (In Russian).
- Formanovskaya, N. I. (1989). *Speech etiquette and communication culture*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. (In Russian).
- Formanovskaya, N. I. (2010). *Culture of communication and speech behavior*. Moscow, Ikar Publ. (In Russian).
- Gak, V. G. (1999). *Man in language. Logical analysis of language. The image of a person in culture and language*. Moscow, Indrik Publ. 73–80. (In Russian).
- Gordon, D., Lakoff, J. (1985). *Postulates of verbal communication. New in foreign linguistics*. Is. 16. *Linguistic pragmatics*. Moscow, Progress Publ. 276–306. (In Russian).
- Grice, H. P. (1985). *Logic and speech communication. New in foreign linguistics. Issue 16. Linguistic pragmatics*. Moscow, Progress Publ. 208–228. (In Russian).
- Ivantsova, E. V. (2021). Rules of speech behavior of a dialect linguistic personality as a component of the linguistic landscape of a Siberian old-timer village. *Tomsk State University Journal of Philology*. 74, 61–80. (In Russian).
- Kopnina, G. A. (2014). *Communicative postulates, or Postulates of verbal communication. Effective verbal communication (basic competencies): a dictionary-reference book*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ. 228–229. (In Russian).
- Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, Longman.
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1992). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, Az Publ. (In Russian).
- Rozhdestvensky, Yu. V. (1978). *On the rules of speech according to proverbs and sayings. Paremiological collection: proverb, riddle (structure, meaning, text)*. Moscow, Nauka Publ. 211–230. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (1983). Code of speech behavior. *Russian Language Abroad*. 1, 72–77. (In Russian).

Шмелева, Т. В. (1983). Кодекс речевого поведения. *Русский язык за рубежом*. 1, 72–77.

Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London: Longman.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1998). *Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Vol. 1*. Moscow, Azbukovnik Publ. (In Russian).

Stepanov, Yu. S. (2004). *Constants. Dictionary of Russian culture*. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Башкова, И. В. (2022). Герои рассказов В. М. Шукшина: речевое поведение. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(5), 49–63. DOI: 10.34680/VERBA-2022-3(5)-49-63

For citation:

Bashkova, I. V. (2022). Heroes of stories by V. M. Shukshin: speech behavior. *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(5), 49–63. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2022-3(5)-49-63